

НАИЛЯ НАДИР

РАССКАЗЫ

Барни

Основано на реальных событиях

Битком набитый автобус резко затормозил, и Орхан, не удержавшись, упал на стоящего впереди пассажира. Тот, со злостью оттолкнув парня, прошипел: «Держись на ногах!» Отвечать и спорить с мужчиной Орхан не стал. Пробормотав «извините», он соскочил с подножки автобуса и, опять не удержавшись, упал на мокрый от дождя грязный асфальт. «Да что ж сегодня такое», – промелькнуло у него в голове. Видавшее виды пальто, и так выглядевшее довольно жалко, стало напоминать грязную мокрую тряпку. Поднявшись с колен и отряхнувшись, Орхан взглянул в стекло витрины небольшого маркета и, увидев свое отражение, с отвращением отвернулся. В голове вертелась одна лишь мысль: «Как я ей скажу?»... Он сделал несколько шагов в сторону магазина и нерешительно зашел внутрь. От запаха свежего хлеба слегка закружилась голова. Орхан судорожно сглотнул слюну и подошел к полке с хозяйственными материалами. Взяв упаковку влажных салфеток, он посмотрел на цену и положил их обратно. За кассой стоял коренастый усатый мужчина средних лет и подозрительно смотрел на Орхана.

– Дау¹, можно у вас руки вымыть, я упал, испачкался...

Мужчина, окинув Орхана презрительным взглядом, процедил:

– А испачкаться не хочешь?

Орхан, наскоро пробормотав «извините», а в мыслях ругнувшись матом, вышел из магазина...

– Лала... Лала! Ты дома?

– Тсс, не кричи...ребёнка разбудишь...

Орхан тяжело опустился на стул.

– Где ты так испачкался?

– Упал, когда из автобуса выходил.

– Ты поговорил с директором?

– Да, поговорил. Денег нет. И не будет.

Теперь настал черед Лалы медленно опуститься на стул.

– Господи...Хорошо, что за квартиру уплачено за этот месяц...

«Квартиру», – с тоской подумал Орхан, оглядев каморку, которую они с Лалой снимали. Над плитой сушились пеленки. Время словно перенесло его в далекое детство, в отцовский дом в деревне, где пеленки его многочисленных братьев и сестер вот так же досушивались над плиткой. Далекое 90-е, без света, газа и воды. А теперь он стремительно катился в такую же яму. Они уже не могут позволить себе даже памперсы. Руки Лалы сморщились и покраснели от бесконечной стирки.

¹ Дау¹ – уважительное обращение, дословно – дядя на азербайджанском.

– Я согрела ужин, поешь, – услышал он голос Лалы.

Перед ним на столе появилась тарелка с сероватыми макаронами, перемешанными с поджаренным луком и помидорами, законсервированными Лалой еще летом. Он хотел спросить, есть ли у них сыр, но вопрос застрял у него в горле...

– Орхан... что теперь делать? Я ждала тебя, думала продукты принесешь. На завтра малышке не из чего кашу варить. Ни молока, ни масла нет.

Раздался плач ребенка. Лала побежала к кровати – старой, потертой деревянной кровати, любезно отданной молодой паре сердобольными соседями.

– Мама, мама, бани, бани! Дай бани!

– Тсс, спи, доча, спи, завтра куплю тебе «Барни».

– Бани, бани, дай бани-и!

Орхан подошел к жене и шепотом спросил:

– Что такое «бани»?

– Сегодня во дворе ее угостили. «Барни», кексик детский. В виде мишки. Теперь вот хочет еще...

Орхану мучительно захотелось курить. Он машинально потянулся к карману брюк, но тут же вспомнил, что курить он бросил. Чтоб не тратить лишних денег. Лишние? Разве деньги бывают лишними?

Он стоял и смотрел на спящую дочку. А у той кудряшки разметались по подушке, щечки покраснелись. Руки Орхана автоматически сжались в кулаки. Как же он себя ненавидел сейчас. Что он за мужик, раз не может жену и дочку в надлежащем виде держать!

Надев еще непросохшее от дождя и грязи пальто, Орхан выскочил за дверь.

– Ты куда так поздно? – только и успела крикнуть вслед мужу Лала....

Рустам закрыл дверь магазина на ключ, окинул ее взглядом, прикидывая при этом, во сколько обойдется ему теперь сигнализация, и, неспеша пошел в сторону дома. Идти нужно было всего пару кварталов. Моросил дождь. Было на удивление тихо и свежо. Мокрый асфальт блестел при свете фонарей, сквозь тучи тщетно пытался подглядеть за Рустамом молодой месяц, но ему было не до лирики. «И почему я до этой чёртовой девальвации не решился поставить систему наблюдения? Теперь один Бог знает, сколько это будет стоить». Размышляя так, Рустам мысленно посылал в ад всех тех, кто хоть в чём-то имел отношение к падению курса маната. Ну, и себя вместе со ними. За нерешительность и жадность.

В своем магазине Рустам был, как говорится, «три в одном»: продавец, кассир, грузчик. Работал без выходных, задерживался допоздна и очень не любил, когда продукты у него люди брали в кредит. Он знал цену каждой копейке, работал, не щадя себя, и к сорока годам открыл, наконец, свой магазин, вложив в него все свои сбережения, а впрочем, и всего себя. Без остатка.

Рустам только успел снять с себя мокрую от дождя куртку, как вдруг раздался звонок мобильного телефона. «Кто это еще в такой час?» – с тревогой подумал он и нажал на кнопку.

– Дядя Рустам, дядя Рустам!

– Да, слушаю, кто это?

– Это я, Эмин, ваш сосед! Дядя Рустам!

– Да говори уже, что стряслось?!

– Дядя Рустам... у вас в магазине...

– Что?! Что у меня в магазине, черт бы тебя побрал! Говори уже!

– У вас там кто-то ходит... Воры, наверное. Я свет фонарика видел. От телефона, наверное. Что делать?

У Рустама от неожиданности перехватило дыхание. В глазах потемнело от гнева. «Кто посмел? Убью своими руками!»

В следующую минуту он, придя в себя, прошептал в трубку:

– Собери ребят, я иду.

Схватив куртку, Рустам бросился обратно к магазину.

Недалеко от входной двери он увидел несколько мужских силуэтов. «Эмин ребят привел, молодец! Неизвестно, кто там, внутри, а вдруг еще и не один, с оружием», – лихорадочно думал Рустам. Неслышными шагами подошел он к группе ребят, и вот уже они все вместе, притаившись, стали ждать.

Через несколько минут дверь магазина тихонько открылась, и из него, прижимая к груди пакет, ссутулившись и озираясь, вышел худой парень. В это же мгновение, как по сигналу, двое ребят бросились к нему и повалили на землю.

– Ах ты шакал, ублюдок, у такого человека честного воровать вздумал?

Рустам зашел в магазин, включил свет и быстрым взглядом оценил обстановку. Всё было так же, как он и оставил около часа назад. Запертая касса, аккуратно расставленные товары, ни следов взлома, ничего, что бы могло привлечь его внимание. Рустам вернулся на улицу. Ребята продолжали держать вора на полу с заломленными за спину руками.

– Дайте его пакет сюда!

– Дядя Рустам, вызывай полицию, пусть заберут этого воруягу!

– Прошу вас, не надо полицию, – откашлявшись, очень тихо произнес парень.

– Заведите его внутрь, – сказал Рустам ребятам. И сам с пакетом в руках прошел за ними в магазин. Открыв пакет, он стал вытаскивать на прилавок содержимое: два пакета с молоком, коробка с овсяной крупой, пачка масла, пачка сахарного песка и... упаковка детских кексов «Барни»...

В недоумении Рустам смотрел на скрюченного Орхана.

– Ну и дела! Я думал, сейчас здесь будут сигареты, спиртное... Ты что, пацан, сдурел совсем, лезть за этим?!

– Простите меня... пожалуйста, не вызывайте полицию. У меня жена-домохозяйка и дочка. Она так просила мать: «Бани, бани, мама, бани», что я не выдержал... Этого никто не выдержит! Меня уволили, а расчет вот уже сколько дней не дают. Работы нет. Не знаю, что делать... пожалуйста, не вызывайте полицию, мне нельзя в тюрьму. Умрут они без меня... С голоду умрут.

Эмин тихо прошептал Рустаму на ухо:

– Не верьте ему, врет, собака! Зовем полицейских!

Рустам молчал. Он просто стоял и молча смотрел на упаковку «Барни».

– Который час? – внезапно обернувшись к ребятам, спросил Рустам.

– Два часа ночи.

– Как тебя зовут, несчастный?

– Орхан меня зовут, аксакал. Простите...

– Никакой я не аксакал, мне сорок только исполнилось в прошлом году, – проворчал Рустам. – Слушай сюда, Орхан. В семь утра чтоб был здесь. Только помойся и приведи себя в порядок, а то на бомжа похож. Ну-ка, постой... ааа, это ты сегодня заходил, руки хотел вымыть? Вәдбәхт²...

¹Вәдбәхт – несчастный.

– Да... я... Вы участкового утром позовете? Прошу вас, не надо...

– Если бы я хотел вызвать полицию, я ее уже давно вызвал бы. Работать выходишь у меня с сегодняшнего дня. С утра до вечера. А когда нужно будет, и на 24 часа. Платить буду. Но мало. Не знаю даже, как и это вытяну. Всё. Теперь иди домой. И все идите домой.

В магазине наступила гробовая тишина. Через минуту, оправившись от изумления, Эмин тихо сказал:

– Дядя Рустам, ты спятил? Вора на работу?

– Идите спать, ребята. Поздно очень. И спасибо вам.

Эмин и его друзья медленно стали выходить из магазина. Немного подождав, молча, с изумленными глазами поплелся к выходу и Орхан.

– Стой! Возьми пакет. Отнеси ребенку.

– Но я не могу за него заплатить...

– Вычту из зарплаты, не беспокойся, я уже все посчитал. Кроме этого.

С этими словами Рустам вытащил из пакета «Барни».

– Это в подарок дочке отнеси.

– Аксакал... Спасибо! Спасибо!

.....

Дела в магазине пошли в гору. Слух о том, что хозяин взял на работу парня, своровавшего у него же товар, облетел всю округу. И хотя сплошь и рядом все жаловались на отсутствие спроса, в магазине у Рустама торговля шла бесперебойно. Всем хотелось купить что-либо именно у этого человека.

Трудно было Рустаму доверять Орхану, очень трудно. Но тот работал от «зари до зари», не жалея ни сил, ни рук, без сна и отдыха. И очень скоро Рустам открыл еще один магазинчик. И поставил Орхана главным. Там тоже дела идут хорошо. Есть в этом маленьком магазинчике одна фишка. Всем, кто приходит отовариваться туда с маленькими детьми, после покупки дарят один кексик «Барни».

Нож

Июль в далёком девяносто третьем выдался жарче обычного. Длинными летними вечерами никто из отдыхающих пансионата не собирался укладываться спать. Засиживались допоздна, наслаждаясь долгожданной после дневной жары прохладой. Дети играли до полного изнеможения, женщины сплетничали на скамейках, мужчины играли в нарды в чайхане. Парочки уединялись в темных аллеях. Вот и получалось, что когда утреннее солнце всю заглядывало в окна отдыхающих, большинство ещё крепко спало.

Нана в свои неполные двадцать три года уже была мамой очаровательной девятимесячной малышки. И мамой оказалась образцово-показательной. В половине восьмого утра Нана, направляясь по дороге к морю, бодро толкала перед собой коляску с дочуркой. Малышка была накормлена, напоена, одета в пляжные вещички, в сумке у Наны перекачивался обязательный набор – свежеевыжатый яблочный сок в бутылочке, нарезанные фрукты, водичка в другой бутылочке. Фрукты она всегда нарезала дома, не любила брать с собой ножик. На берегу моря Нана никогда не засиживалась позднее одиннадцати часов утра, считая что малышке это будет вредно.

И к тому же, была у ее дочки дурацкая, как считала Нана, привычка. Она терпеть не могла панамки и все время скидывала их с головы. Какие нужно было приложить усилия, чтоб отвлечь внимание девочки от предмета на ее голове, знали почти все обитатели пансионата, посещающие пляж. Стоило молодой маме отвернуться, как панамка уже валялась рядом с малышкой. Этим утром Нана, довольная и спокойная, любуясь бескрайней морской гладью, безоблачным небом, парящими в нём птицами, неспеша шла по широкой асфальтированной дороге к морю. Почему довольная и спокойная? Так накануне вечером муж привез для дочки новую панамку! И не простую, а с ленточкой! Завязала – и любуйся себе спокойно морем! Всё, доченька, не получится больше маму мучить!

Размышляя о том, как мало, собственно говоря, нужно человеку, чтоб почувствовать себя хоть чуточку счастливым, Нана продолжала катить коляску по дороге. Не подумайте, всё у Наны в семье было замечательно. Но стать в двадцать два года, когда сама еще «в куклы не наигралась», мамой, это, конечно, большое испытание и огромная ответственность. А в силу своего характера Нана ответственно относилась ко всему в жизни, перфекционизм иногда просто зашкаливал.

На мгновение она перевела взгляд с горизонта на головку дочери, невозмутимо едущей в коляске, и увидев белоснежную, с мелкими цветочками и бабочками, панамку на месте, снова удовлетворенно погрузилась в размышления.

Она замедлила ход, остановилась и «зависла», наблюдая за разноцветным угодом, поймавшим маленькую стрекозку. Мысль перенеслась в детство, на новоханинскую дачу, где папа неизменно называл удода «шинабу», а дедушка на шемахинский манер «шинапипи». Ей вдруг показалось, что это было не с ней. Или в другой жизни. «Как же всё меняется с рождением детей», – не без некоторой горечи подумала Нана. В ту же секунду она услышала хрип. Вздвигнув и обернувшись к коляске, Нана с ужасом поняла, что хрипит её девочка, её малышка. Всю дорогу к морю дочка втихомолку пыталась стянуть с себя злосчастную панамку. Действия ребенка закончились плачевно. Ленточка, которую она дёргала из стороны в сторону, каким-то странным образом затянулась в узел, стала невероятно короткой и попросту впиалась ребенку в горло... Двигать головой девочка уже не могла. Она хрипела, а её личико на глазах у матери становилось синюшно-багровым. Нане показалось, что у неё отнялись ноги и язык одновременно. Она, как каменный истукан, стояла, смотрела на своего задышающегося ребенка и не могла ни пошевелить пальцем, ни издать звук. В половине восьмого утра на дороге к пляжу не было ни души. Поворот дороги скрывал Нану с дочкой от самого здания пансионата и от берега тоже. Они были совершенно одни. Очнувшись, девушка присела на корточки и попыталась сделать что-нибудь со злосчастной ленточкой. Бесполезно. Просунуть под ленточку палец, или развязать её было нереально. От малейшего движения малышка хрипела ещё больше...

Вдруг из-за поворота показалась чья-то фигура. Нана повернула голову и увидела отдохавшего в пансионате парня, моложе ее года на два-три, одного из самых шумных и весёлых ребят в Доме отдыха. Тех, что кутят ночи напролет, а днём обычно отсыпаются. Что он делал ранним утром на пляже – до этого Нане дела не было. Она посмотрела на него, открыла рот, но издала лишь странный звук. Парень посмотрел на Нану, а потом на ребенка в коляске.

– Аман Аллах! – воскликнул парень. – Она же сейчас задохнется!

В ту же секунду он выхватил из кармана складной нож. Мгновение – и нож в воздухе щёлкнул, раскрылся, блеснуло на солнце лезвие. Парень каким-то вирту-

озным движением поддел ножом ленточку ближе к уху ребёнка и... в следующее мгновение панамка валялась на асфальте, девочка закашлялась и начала громко плакать. А Нана продолжала молча стоять.

– Ты онемела что ли, мать? – спросил парень. – Ну всё, теперь или носи ножик с собой, или не покупай всякую китайскую хрень ребенку. Привет мужу!

И он как ни в чём не бывало двинулся дальше, в сторону здания пансионата. Нана схватила дочку на руки, крепко обняла и стала целовать. И плакать одновременно. Малышка заревела еще громче. Она трогала пальчиком ранку около уха, лепетала что-то похожее на «ва-ва», а Нана продолжала обнимать ее и плакать.

Ровно через два года, теперь уже в свои неполные двадцать три года, парень погиб. На свадьбе лучшего друга. В совершенно нелепой драке. От удара... ножа. Складного. Карманного. Погиб не сразу. Чуть позже. От потери крови из бедренной артерии. Народу рядом было много. Не спасли.

Dominus protector meus

Погода в Стокгольме навевала тоску. Было не просто пасмурно. Было ветрено, слякотно и дождливо. Низкое серое небо, рваные облака вперемешку с набрякшими тучами.

Правда, это не мешало наслаждаться невероятной красотой и величием города, но настроение портило основательно. Особенно если учесть тот факт, что происходило это в середине августа. Но туризм требует жертв, и когда ты ограничен во времени, а перед тобой один из красивейших городов Европы, тут не до лирики, нужно все успеть.

Прокатившись немного на «CityBustour», прогулявшись по Скансену, не попав, к сожалению, в легендарный музей Vasa, получив от немногословного аудиогuida небольшое представление о городе, Нана и Эмиль решили сойти около Королевского Дворца, чтобы потом прогуляться по Старому городу, заглянуть в музей Нобеля, увидеть самую узкую улочку, съесть пресловутую булочку с корицей, словом, стандартный набор туриста, основательно подготовившегося к однодневному путешествию по Стокгольму.

Но одно обстоятельство мешало очень и очень сильно. То ли вышеупомянутая погода действовала, то ли испорченное некоторыми предшествовавшими прогулке событиями настроение. Не радовало ничего. Красивейшие пейзажи – зеленые парки, мосты, купола церквей, шпили дворцов, – все проплывало мимо сознания. Эмиль искоса поглядывал на жену, но предпринять попытку для исправления ситуации, видимо не решался. Вот так, перебрасываясь незначительными фразами, изредка фотографируясь (потому что надо), ёжась от порывов ветра, смешанного с моросью, дошли они до Королевского Дворца. Постояли на террасе, откуда открывался прекрасный вид на город. Посмотрели смену караула.

Чёрт возьми, а настроение всё не улучшалось и не улучшалось. Зашли непосредственно в сам дворец. Посмотрели королевскую часовню, Тронный зал с серебряным тронном королевы Кристины, прошли пятьдесят шесть ступеней в сокровищницу, где хранятся все королевские регалии. Впечатлились. Захотелось глотка свежего воздуха, решили выйти во внутренний двор.

Перед дверями Нана случайно подняла голову вверх, и взгляд упал на надпись, сделанную на потолке.

«Dominus protektor meus», – гласила фраза.

Она попыталась откопать в дальних закоулках памяти остатки от изучения латыни, в бытность студенткой медицинского, но тщетно.

– Смотри, – обратилась Нана к мужу, так же как и она, закончившему двадцать пять лет назад лечебный факультет.

– Куда?

– Ну вот же, надпись на потолке. Думаю, что это значит. Скорее всего связано с Богом, но тогда начиналось бы Deus, а не Dominus. У тебя есть предположение, как это переводится?

Ответ последовал незамедлительно. Нане показалось, что не прошло и секунды. Эмиль посмотрел на неё абсолютно серьёзными глазами и недрогнувшим голосом произнес:

– «Dominus protektor meus»? В доме нельзя мяукать...

В следующие несколько секунд Нана на глазах удивленных туристов присела от неожиданности на корточки и залилась громким смехом. Она не могла остановиться. По её лицу текли слезы, а Эмиль смотрел на жену, улыбался и повторял:

– Ну, в доме нельзя мяукать. Что непонятного?

Поднявшись, Нана в неосознанном порыве обняла его, крепко прижалась и прошептала на ухо:

– Спасибо...

Все оставшееся время в Стокгольме они провели, смеясь и улыбаясь, болтая, восхищаясь, любуясь, фотографируя замечательные виды и достопримечательности. Серое небо казалось голубым, ни ветра, ни дождя Нана не замечала. Обычная булочка с корицей и чашечка эспрессо показались ей самыми вкусными и ароматными из всего, что она когда-либо пробовала.

Сидя в уличной кафешке, в старом городе возле музея Нобеля, Нана набрала в поисковике «Dominus protector meus». Если бы фраза начиналась со слова Deus, то перевод гласил – «Бог мой защитник». Но все мыслимые и немыслимые онлайн-переводчики слова «Dominus protector meus» переводили просто как «мой защитник».

А Нана перевела эту фразу на свой лад. «Мой защитник всегда рядом со мной».

Пропаж

Найка была в семье самой младшей и, естественно, самой любимой папиной дочуркой. Отец очень хотел, чтобы после двух девочек, жена, наконец, подарила ему сына, но случилось то, что случилось.

Баловали Найку немеренно. Со старшими сёстрами разница в возрасте получилась довольно приличная – десять и семь лет; они уже были школьницами, когда Найка появилась на свет, так что воспринимали её сестрички как некую обузу, мешающую их развлечениям.

А развлечений летом на даче было много. Прятки, ловитки, лапта, бадминтон, разве всё перечислишь? А лото? Этот упоительный момент, когда мамы не зовут уже никого ужинать; когда все мусорные вёдра вынесены, а вёдра с студёной колодезной водой доставлены по назначению; когда никто не говорит, что прежде чем по-

играть, нужно очистить от сорняков энный участок сада; когда огромный красный шар перестает, наконец, нещадно жечь кожу, забирается за горизонт и... В беседке на полу раскладываются карты с цифрами, «ведущий» нетерпеливо встряхивает мешочек с бочонками...

Вот только Найка всегда бывала лишней... «Ты ещё маленькая, пойдй с куклами поиграй», «Эй, Найка, тебе уже спать пора, давай топай в постель». И так почти каждый вечер. Найка обижалась, но не показывала свою обиду. Ей достаточно было внимания взрослых. Походы с отцом на море, замки из песка, украшенные разноцветными ракушками, многочисленные, до изнеможения, «ныряния на время» (кто дольше просидит под водой) и бесконечные папины рассказы, сказки, истории.

Для папиных друзей Найка тоже была любимицей, у всех уже дети были постарше, и малышка служила им своего рода развлечением, когда они приходили в гости к Найкиным родителям. С трех лет Найка, предоставленная сама себе, выучилась читать, и родители очень этим гордились. В четыре года она с важным видом брала в руки газету «Правда» и, поправив на носике очки (в два с половиной годика малышке был поставлен диагноз – косоглазие, и с тех пор без очков она только лишь спала...), начинала вслух читать постановление ЦК КПСС... Или, грозно потрясая очередным номером красивого глянцевого журнала «Америка», рассказывала всем о вреде курения.

В тот день никому до Найки дела не было. Отмечали день рождения средней сестры, на даче было полно народу. Папа с друзьями играли в нарды и шахматы. Мама с двумя Найкиными бабушками и женами папиных друзей сновали между кухней и верандой, где стоял большой накрытый стол. Сёстры и их сверстники, дети папиных друзей непрерывно о чем-то болтали в беседке.

К кому бы Найка ни подходила, все отмахивались от неё, как от назойливой мухи. И Найка вдруг обиделась. Обиделась очень сильно. Никто с ней не играл, никто её не хвалил, не просил почитать вслух. Она абсолютно не привыкла находиться без внимания. И задумала малышка «страшную» месть. Она решила спрятаться где-нибудь, где её никто искать не будет, и подождать, пока кто-нибудь не спохватится. «Вот будут они все кричать, звать меня – Найка, Ная, где ты, солнышко?! А я подожду, пока они не начнут уже очень сильно нервничать, выйду и скажу – ааа, искали меня, а я здесь!»

Рисуя себе самые кровожадные картины мести, где присутствовала плачущая мама, хватающаяся за сердце бабушка, нервно курящий отец и растерянные сестрички, Найка недолго думая, пошла в дом, зашла в самую дальнюю комнату, залезла в шифоньер, прикрыла неплотно дверцы, и шёпотом разговаривая со своим лучшим другом, большим желтым медведем со стеклянными карими глазами, принялась ждать. Полчаса прошло, никто про Найку не вспоминал. Она все сидела, рассказывала мишке сказки, читала ему стихи Агнии Барто... Прошёл еще час... но никто про Найку так и не вспомнил. И девчушка покряхтев и поворчав, положила на своего преданного и молчаливого друга голову и.. заснула.

- А где Найка? – спросил громко отец, когда застолье было в самом разгаре.
- Наверное в беседке, играет с куклами, – предположила бабушка
- А она хоть покушала? – с тревогой в голосе произнесла другая бабушка,
- Совсем мы про нее забыли сегодня
- Ничего, ей не помешает похудеть немного, – ехидно заметила средняя сестра.

Мама тихонько вышла из-за стола и пошла к беседке.

– А Найки здесь нет! – слышался её голос отсюда.

Гости принялись, кто громко, кто не очень, на разный лад звать Найку. В ответ была тишина. Отец заметно побледнел. В этом году уже не раз соседи там и тут наткались на степных гадюк и скорпионов. И он всегда предупреждал детей, чтобы они одни не ходили ни в сад, ни к морю, и были предельно осторожны.

Он вышел из-за стола и громко крикнул: «Ная! На-ая!». Никто не отозвался. Гости, бабушки, сёстры, все повскакивали со своих мест и принялись бегать по территории дачи и кричать: «Найка! Наайка!» Но ответа не было. Бабушки несколько раз прошли по комнатам в доме, проверили душевую, туалет. Всё безуспешно. Найки нигде не было. Сестрички побежали к соседям – может она там... Папины друзья принялись прочёсывать сад. Кто-то из гостей пошёл к винограднику.

Двоюродные братья побежали к дороге, ведущий на пляж... Тропинка пролегла через скалистую местность, где люди часто видели змей. Найки нигде не было.

Вернулись ребята ни с чем. А на даче уже царил переполох. Одну бабушку отпаивали валерьянкой, другой положили под язык валидол, отец, который непрерывно курил, самолично решил снова проверить сад. Мама пошла к соседям. Мало ли... Может кто-то взял малышку вместе со своими детьми на море, хотя такого ещё никогда не случалось...

Близкий друг отца вышел на улицу узнать у играющих там ребят, не приезжала ли какая-нибудь машина (дача находилась в конце улицы, в тупике).

Мысли были самые что ни на есть неутешительные. В какой-то момент все приуныли, и наступила тишина. Слышно было только жужжание мух да звуки из находящегося за забором соседского хлева...

Найка проснулась от нестерпимой жажды. И очень хотелось есть. Кудряшки все слиплись от жары и влажности, стёкла очков запотели, ей было душно, темно и очень некомфортно. Мишка сидел все в той же позе, как будто говорил ей:

– Ну что, подруга, выспалась? Я тут весь извёлся, давай-ка выйдем.

Найка приоткрыла дверь шкафа и прислушалась. Ничего не было слышно. Она открыла дверцу пошире. Стало видно часы. Время Найка знала уже хорошо.

– Значит так, короткая стрелка на 7, а длинная на 3, значит, сейча-а-ас четверть восьмого... Я что, так долго спала? – удивленно подняла брови Найка. – И все равно меня никто не ищет?! И даже не зовут?!

Выйдя, наконец, из своего укрытия, Найка, громко топая, воинственно подбоченясь, пошла на веранду.

– Уехали все, что ли, – думала она, – почему такая тишина...

Она вышла на веранду и замерла. Потому что на неё в полном молчании смотрели все! Родители, бабушки, гости, сёстры.

– Найка! Боже мой! Слава Богу! Ты живая... – мама смотрела на Найку и слёзы текли по её лицу.

Отец вытирал со лба пот, не переставая курить при этом.

От всех сидящих за столом людей пошла вдруг волна:

– Слава Богу, слава Богу! Ой, как она нас всех напугала!

Старшая сестра подбежала к Найке, обняла её и проговорила на ухо:

– Дурочка наша! Где же ты была?

Средняя сестра прищурившись посмотрела на Найку и процедила:

– Ну конечно, надо же было испортить мне день рождения!

Бабушка запричитала:

– Вай-вай-вай, ребёнок голодный совсем!

На что Найка, очень смущённая внутри, но с абсолютно невозмутимым видом выкрикнула:

– Очень голодная! Очень! И пить хочу! А вы! Вы! Вы нас даже не искали!

– Как не искали! Мы до пляжа дошли, думали тебя украли, утонула, змея укусила! Где ты была? И кого это – нас?

– Меня и Мишутку! – ещё громче крикнула Найка. И добавила уже потише: – Мы сидели, сидели, а потом я уснула... – и почти шёпотом добавила: – А вам... Вам всё равно?... – и вдруг расплакалась...

– Никогда больше не пугай меня так, – подхватив ее на руки и прижав к себе, прошептал отец. – Слышишь меня?! Никогда!

Рассказы из семи слов

Звонок.

– Вам телеграмма.

Читаю: «Собирайся. Пора.

Бог».

Ехала на фитнес. Дорогу перекрыли. Купила булочек.

Голубое небо отражалось в луже. Перевернутая действительность...